

Содержание

ПРОЛОГ	9
--------------	---

ОСИРОТЕВШИЕ (1863–1885)

Любезный сердцу моему доктор	11
Ну вот, мои возлюбленные чада	16
Молитва	19
Комната умирающего	24
Годы учений и мечтаний	28
Рисунок, труд и образ жизни	32
Политика и живопись	36
В Париж!	42

МЕЛАНХОЛИЯ (1885–1892)

Опасное наслаждение	46
Ханс Егер	54
Мунк, Мунк! Не надо больше таких картин!	57
Любовные интрижки и портреты членов семьи	61
Две женщины — и еще одна	66
Имя третьему поколению — Эдвард Мунк	70
Париж и смерть	77
Сен-Клу	80
Неоромантика и азартные игры	85
Большая любовь Яппе Нильсена	92
Настроение на закате	98

О ЛЮБВИ И СМЕРТИ (1892–1898)

Скандал в Берлине	106
Любовь и «Черный поросенок»	112

Крик	120
Мадонна	124
Дворяне и богема	130
Кейт и Тупси, Андреас и Лаура	137
Ибсен на выставке Мунка	143
Пер Гюнт в Париже	151
Язык сердца	159

ТАНЕЦ ЖИЗНИ (1898–1902)

Дочь виноторговца	165
Ты меня любишь?	171
Твоя огромная потребность в любви	178
«Условное сватовство»	186
Долгая дорога в никуда	194
От рая до Голгофы	203
Девушки на мосту	208
Почести в Берлине, насмешки в Бергене	215

ВЕСЕННИЕ ЦВЕТЫ ПОД СНЕГОМ (1902–1905)

Драка и гость	221
Рана на всю жизнь	228
«Воздух наэлектризован...»	234
Судья из Гамбурга	241
Ты — это чистая музыка	248
Дама с брошью	255
Граф в Веймаре	262
12.30 — Абсент	267
Автопортрет с кистями	274

В ИЗГНАНИИ (1905–1908)

Смутное время	283
«Новый человек»	289
Уединение в Эльгерсбурге	294
Интермедия в Веймаре	301
«Солнечные ванны» и новые трудности	306
«А завтра встретит седой чужак свой самый последний день...»	312
Гамбургские счета	317
Купающиеся мужчины	323
Рыцарь печального образа	329
«Я выжигаю свои нервы виски»	336

ИСТОРИЯ (1908–1913)

Двери удивительного мира закрылись за моей спиной навсегда... ..	341
Победа за тобой	348
Дом вдовы Бредсдорф	355

Безалкогольная живопись	361
Орел над улицей Карла Юхана	366
Портреты: хранители моего искусства	372
Солнце	378
Новоселье и победоносное поражение	383
Последняя страница в истории преследований Мунка	389
Ван Гог, Сезанн, Гоген — и Мунк	394
Стервятники и другие гости	399
Пришло время этого норвежца	405

Звездная ночь (1914–1927)

Первая мировая война	412
Жизнь под сенью деревьев	418
Искусство — это независимое царство	425
Европа вновь открывает двери	430
Блестящая выставка	434
Тяжелый год	440
Фризы и налоги	444
Девушка на диване — и одинокие зимние ночи	449
Свидание с прошлым	455
Творчество Мунка — квинтэссенция нашего времени	460

Между часами и кроватью (1928–1944)

Картины для воздушного замка	467
Фауст и Мефистофель	471
«Твой венок вызвал всеобщее восхищение...»	477
Истинно нордическая культура	482
«Столп искусства»	490
Женщины и любовь	494
Дегенеративное искусство?	501
Ряды друзей редеют, но враг живуч	507
Искусство и псевдоискусство в военное время	513
Красная нить	520
Широкий золотистый столб света	525
Ссылки и примечания	533

Правда всегда где-то между двумя неправдами.

Из записей Мунка

Мунк был гораздо разумнее своих биографов, а ужасающая поверхностность, которая стала бедой нашего времени, исказила его образ до неузнаваемости.

Людвиг Равенсберг
Дневник, 20.11.1952

Пролог

В 1896 году тридцатитрехлетний Эдвард Мунк создал литографию, ставшую итогом многих лет работы над одним и тем же мотивом как в графике, так и в живописи. Литография получила название «Комната умирающего».

Полупустая комната с голым дощатым полом. Из мебели только кровать, ночной столик, на котором стоит масляная лампа, да высокое кресло, повернутое спинкой к зрителю. Единственным украшением служит картина, висящая над кроватью.

В этой по-спартански обставленной бедной комнате собрались семеро — художник делит их на две группы. Сидящую в кресле девушку или женщину разглядеть невозможно — виден только подол ее платья и край подложенной ей под голову подушки. Лицо скрыто от нас высокой спинкой кресла. Рядом стоят пожилой мужчина и женщина. Их взгляды прикованы к лицу умирающей.

Чуть поодаль — два мальчика и две девочки. Их фигуры сливаются в одно темное пятно. Старшая девочка смотрит прямо перед собой, куда-то за пределы картины, ее глаза расширены от ужаса, взгляд пуст. Лица остальных показаны в профиль, их черты размыты. Один из мальчиков уже подошел к двери — он собирается покинуть комнату.

Как и у многих художников, в творчестве Эдварда Мунка не раз находили отражение поворотные моменты его собственной жизни. Он обычно придавал персонажам своих картин черты портретного сходства с прототипами — несколько схематично, но вполне узнаваемо. Поэтому довольно легко догадаться, что изображено на картине «Комната умирающего» и кто эти семеро.

На литографии события осени 1876 года. Дети, стоящие на переднем плане, — это юный Эдвард, его брат и две сестры. В кресле сидит старшая сестра Софи — она умирает. Это уже не первая потеря в семье. Женщина, которая в знак утешения положила руку на плечо Софи, — не ее мать. Она приходится детям тетей. Фигура женщины олицетворяет утрату детей и их тоску по умершей матери.

Отца зовут Кристиан Мунк. Его сложенные в молитве руки символизируют и набожность, и бессилие: врач по профессии, он наверняка чувствовал себя вдвойне беспомощным возле умирающей дочери.

Худенькую женщину, стоящую рядом с Софи, зовут Карен Бьёльстад. С тех пор как умерла сестра, она стала для этой семьи всем — и хозяйкой, и главной опорой. Семья сестры стала ее судьбой.

Не только ледящий ужас, которым веет от комнаты и одетых в черное людей, собравшихся там, поражает в картине, — поражает то, насколько замкнуты в себе персонажи. Они не смотрят друг на друга — только двое взрослых не отрывают взгляда от умирающей девушки, они не прикасаются друг к другу — только тетя положила руку на плечо племянницы. Но и это легкое прикосновение скрыто от зрителя спинкой кресла.

Осиротевшие

(1863–1885)

ЛЮБЕЗНЫЙ СЕРДЦУ МОЕМУ ДОКТОР

«С нетерпением жду твоего следующего письма, любимая, ужасно по тебе скучаю».

Кристиану Мунку исполнилось сорок три, когда он наконец встретил женщину своей мечты и предложил ей руку и сердце. Его избранница была на двадцать лет моложе, но отвечала ему полной взаимностью. «Если бы ты мог сейчас быть со мной, большего мне и не надо», — отвечает Мунку Лаура Бьельстад. Их любовная переписка продолжается до свадьбы: «Моя любимая Лаура!», «Дорогой мой, любезный друг!», «Дорогая моя Лаурушка!», «Передавай привет всем своим близким. Твой, твой, твой Кр. Мунк». Лаура не остается в долгу: «Мой Доктор!», «Я так скучаю по тебе, любезный сердцу моему Доктор!».

В роду Мунков было много славных имен и не одно поколение ученых. Отец Лауры, сын фрахтовщика с крохотного островка Крокерёй на юге Норвегии, разбогател и стал шкипером и купцом.

В конце ноября 1860 года Кристиан Мунк сделал Лауре предложение. Как и положено примерной дочери, она тут же пишет

отцу и мачехе и просит родительского благословения, однако тон письма говорит о том, что это простая формальность:

Дорогие мои отец и матушка!

Написать вам эти строки побудили меня события чрезвычайной важности. Доктор Мунк просит моей руки, и поскольку я люблю и почитаю его безмерно, то прошу вашего согласия и благословения.

Господне же благословение и согласие я ощущаю всем своим сердцем и славлю Господа за бесконечную доброту ко мне, Его недостойной и непокорной дочери...

Что я еще могу сказать?.. Передавайте привет Карен. Письмо ей уже запечатано. С нетерпением жду вашего ответа, любезные родители.

Ваша Лаура

Ожидаемое согласие было получено. Через четыре дня после этого, 1 декабря 1860 года, доктор Мунк пишет своему будущему тестю Андреасу Бьельстаду:

К моей величайшей радости, моя дорогая Лаура сообщила мне сегодня, что вы и ваша семья не возражаете против нашей помолвки. Позвольте от всего сердца поблагодарить вас. Я молю Господа, чтоб он дал мне силы оправдать оказанное доверие. У вас были все основания для сомнений, ведь вы так мало меня знаете. Я много старше Лауры и могу предложить ей лишь весьма скромное положение в обществе.

Кристиан Мунк был человеком нервного склада, что отражалось и на его здоровье. Возможно, именно поэтому он весьма посредственно сдал государственный экзамен по медицине; как бы то ни было, он стал военным врачом. Служба, однако, приносила ему небольшой доход, и он сам не раз признавал, что его материальное положение не из лучших.

За долгие годы холостяцкой жизни в его душе развилось глубокое религиозное чувство и склонность к аскетизму, совсем не

свойственные представителям рода Мунков; его отец, бывший настоятель кафедрального собора Кристиании¹, слыл весьма жизнерадостным прелатом. В пятидесятые годы XIX в. в Норвегии распространились новые теологические веяния. Кроме того, в народе издавна большое влияние имели пиетистские общины, придававшие особое значение личному общению с Богом посредством молитвы и чтения Библии и призывавшие скептически относиться к мирским радостям. Благодаря деятельности университетского теолога Гисле Юнсона идеи пиетистов приобрели распространение и в буржуазных кругах Кристиании.

Лаура Бьельстад и ее семья принадлежали к пиетистской религиозной общине Фредрикстада. Искренняя набожность сблизила доктора и его будущую невесту, несмотря на разницу в возрасте и происхождении. «Господи, дай нам силы всегда оставаться благодарными, преданными и верными Тебе! Аминь!» — пишет военный врач в своем любовном письме. А Лаура отвечает: «Коль будем жить в ладу друг с другом и Господом, так и будет все хорошо!»

Судя по письмам, их связывало и глубокое земное чувство. Тем не менее влюбленный доктор все время пребывает в волнении, он нервозен и возбужден; его мучает внутреннее беспокойство, о котором он толкует в религиозных терминах:

Что же происходит во мне, что так часто отнимает уверенность, вызывает беспокойство? Да не что иное, как пустяки, мирская суета ослепляет меня, делает неблагодарным... Дорогая Лаура, молись за меня, дабы хватило у меня твердости и веры, дабы не оскорблял я неверием своим Духа Святого.

Доктора терзают и самые будничные волнения: на что они будут жить и, самое главное, где.

Он военный врач, служба отнимает у него массу времени и сил, но он вынужден зарабатывать на пропитание и частной

¹ Кристиания (Христиания) — в 1624–1924 гг. название столицы Норвегии Осло. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

практикой. Впрочем, в Кристиании этим прожить трудно: квартплата высока, а количество врачей на душу населения велико. Поэтому он принимает решение переехать в приход Лётен, расположенный в провинции Хедмарк между городами Хамаром и Элверумом, — там есть вакансия врача.

При этом старый холостяк не отличается практичностью:

Мне нужно кое о чем спросить тебя, мой дорогой друг. Односпальное у нас постельное белье или двухспальное?.. А что с матра-сами? Я вынужден задавать тебе такие вопросы, поскольку ничего в этом не смыслю.

Невеста воспринимает это спокойно:

Матрасов у меня, к сожалению, нет, дорогой мой доктор. Матрасы обычно заказывают у плотника. Пружинные матрасы, как мне кажется, самые лучшие, да я к ним и привыкла... но поверь мне, я счастлива уже оттого, что мы будем вместе, а больше мне ничего и не надо. Истинная правда, мой любезный друг!

Но жизнь — это не только влюбленность и радостное ожидание свадьбы. У Лауры Бьельстад тоже есть причины для беспокойства: у нее слабое здоровье.

Ее отец — настоящий богатырь. От двух браков у него родилось двадцать детей. А вот мать была не такой крепкой, в наследство от матери Лауре и достались слабые легкие. Какое-то время после помолвки она серьезно болела. «Мне уже лучше, но я не могу работать, как раньше...» — пишет она будущему мужу.

Она едет в Элверум в надежде, что здесь удастся поправить здоровье:

Все говорят, что я плохо выгляжу, и удивляются, как мало у меня сил, но подбадривают меня тем, что отдых здесь все поправит. Только на это и уповаю, коль на то будет воля Господня. Сегодня начала пить козье молоко, и, кажется, здешний воздух идет мне на пользу.

Лаура восстанавливает силы почти до самой свадьбы. Из Элверума она едет в санаторий Грефсен, где находится до конца августа, а 15 октября 1861 года доктор Мунк и его невеста венчаются в церкви Глеммен, недалеко от Фредрикстада.

Со временем они переезжают в Лётен, а в сентябре следующего года у них рождается первый ребенок — девочка. Дочь назвали в честь матери доктора Юханне Софии, но всегда звали просто Софи.

Осенью 1862 года семья переезжает в усадьбу Энглауг, хозяевами которой были Антон Тингстад и его супруга Ингеборг.

Лаура все еще слаба. Поэтому, когда весной она понимает, что снова беременна, то решает попросить о помощи самого близкого ей после супруга человека — сестру Карен, которая моложе ее на два года.

Сестры покинули родительский дом во Фредрикстаде довольно рано. Их мать умерла от родов, произведя на свет одного за другим восемь детей. Через год после ее смерти купец Андреас Бьельстад женится снова. Неудивительно, что смерть матери и появление в семье мачехи сблизили сестер.

Хотя семья жила весьма скромно, у Лауры была прислуга, как и полагалось супруге доктора, но помощь и поддержка сестры нужны были Лауре не только в быту.

В 1863 году двадцатичетырехлетняя йомфру¹ Бьельстад приехала по просьбе сестры в дом доктора, и с тех пор вся ее жизнь была связана с его семьей. Она осталась здесь и после рождения второго ребенка, мальчика. Он появился на свет морозным днем 12 декабря 1863 года очень слабеньким, и все опасались, что долго он не проживет. Поэтому было решено как можно скорее окрестить его, и в дом пригласили священника. Домашние крестины были крайней мерой: не дай бог, новорожденный умрет, не получив благословения Господа.

¹ Йомфру — незамужняя женщина из буржуазного сословия (*норв.*).

НУ ВОТ, МОИ ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ ЧАДА...

Суровую зиму сын Лауры и Кристиана пережил, но лишь четыре месяца спустя, 15 апреля 1864 года, когда холода наконец отступили, они решились поехать в церковь Лётена, чтобы «подтвердить» крещение. Мальчика назвали в честь дедушки — настоятеля Эдварда Мунка.

Еще до официальных крестин, весной 1864 года, Кристиан Мунк решил уехать из Лётена — Лаура плохо переносила суровые зимы Хедмарка. В мае пришло радостное известие: Мунк получил назначение в Кристианию на должность гарнизонного врача. Но их радость омрачается плохим самочувствием Лауры. «Как бы мне хотелось встретить вместе с тобой в Кристиании раннюю весну и позднюю осень, если по милости Господа я доживу до этого», — пишет она мужу.

Как бы то ни было, Лаура с детьми остается в усадьбе Энглауг до середины осени. А Кристиан отправляется на полевые учения, затем долго и тщательно выбирает семье достойное жилье. Лето и осень супруги часто переписываются. Лаура тоскует в разлуке и жаждет воссоединиться с любимым мужем. Мунк описывает свои хлопоты по поиску жилья и беспокоится о состоянии здоровья Лауры. После краткого визита домой он корит себя:

Господи, только бы ты не разболелась из-за того, что тебе пришлось заботиться еще и обо мне. Не надо было мне позволять себя обслуживать, ты ведь так слаба. Ох, когда же я наконец научусь ограничивать себя.

Только в октябре семья воссоединилась в Кристиании в квартире на Недре Слоттсгате в доме номер 9, неподалеку от крепости Акерсхус; военный врач Мунк живет здесь в перерывах между учениями. В квартире нет кладовой, но в целом Кристиан доволен и четырьмя комнатами, и остальными удобствами: здесь есть «мойка с водой на кухне, каморка на чердаке, гладильня и прачечная с водопроводом и поленницей в подвале».

На Недре Слоттсгате 1 июля 1865 года у них родился третий ребенок, которого назвали Петер Андреас. Перепись населения того года свидетельствует, что помимо семьи в четырехкомнатной квартире проживали и две служанки — дело обычное для представителей этого сословия.

К этому дому относятся и первые воспоминания Эдварда. В квартиру вела гранитная лестница. Когда отец, загорелый, в форме, возвращался с учений в Гардемуэне¹, он казался чужим. Мать обычно сидела в кресле у окна — бледная и вся в черном. Зимой сугробы доставали до окна детской, большой и темной комнаты. Няня часто пела детям народную песенку «Старуха с клюкой».

Через полтора года после рождения Петера Андреаса, 3 января 1867 года, на свет появился четвертый ребенок Лауры и Кристиана. Если первых троих детей назвали в честь бабушек и дедушек (Петера Андреаса всегда звали просто Андреас), то вопреки сложившейся традиции Лауру Катрину называют в честь матери; в этом есть нечто сакральное, поскольку все понимают: Лауре-старшей жить осталось недолго.

Лаура проболела всю весну. Поэтому из Фредрикстада к ним снова приехала Карен и взяла на себя домашние заботы.

Несмотря на болезнь, через несколько месяцев после родов Лаура снова беременеет. В сентябре 1867 года Кристиану Мунку исполняется пятьдесят, а его тридцатилетняя супруга и не надеется пережить еще одни роды. В январе 1868 года она пишет детям прощальное письмо:

Ну вот, мои возлюбленные чада, мои дорогие малютки, и пришло время проститься. Ваш дорогой отец укажет вам путь на небеса, а я буду ждать вас там...

5 февраля 1868 года Лаура Мунк родила последнего, пятого ребенка за короткие пять с половиной лет брака. Ингер Марию назвали в честь бабушки со стороны матери. Роды Лаура пере-

¹ Гардемуэн — сельский район неподалеку от Кристиании, где располагался полигон норвежской армии.

несла благополучно, могло показаться, что ее здоровье пошло на поправку. В апрельских письмах она рассказывает, что сама шьет всю одежду детям. Там же сообщается, что домашним хозяйством занимаются Карен и прислуга. У детей все хорошо, Софи обещали два шиллинга, если она научит малышку Лауру ходить. К осени им необходимо найти более просторную квартиру, а то при теперешней тесноте маленькой Ингер приходится спать в ящике комода!

Четверть столетия спустя Эдвард Мунк напишет небольшую акварель, основанную на воспоминаниях о последней прогулке с матерью. Мать держит в руке капор, длинные ленты которого развеваются на ветру, к матери жметя четырех-пятiletний мальчик. О том, как прочно эта сцена засела в его памяти, свидетельствует одна деталь — неровные крупные камни мостовой; в то время дорогу мостили обычным камнем, а не тесаным булыжником. Позже Мунк вспоминает о том, как они шли по улице Недре Слоттсгате к крепости Акерсхус, где остановились полюбоваться морским пейзажем.

Той же осенью семья переехала в более просторную квартиру по адресу: Пилестредет, 30, в новый дом на тогдашней городской окраине, за которой начинались поля. Лаура между тем опять почувствовала себя плохо, ей делалось все хуже и хуже. Она справила с семьей первое в жизни младшей дочери Рождество, а 29 декабря скончалась от туберкулеза. Домашние давно ждали подобного исхода.

Эдвард, которому только что исполнилось пять лет, навсегда запомнил то Рождество:

Она сидела на диване, тихая и бледная, в черном шелковом платье, которое казалось еще чернее в этом море света. К ней жались пятеро детей. Отец сначала ходил взад-вперед по комнате, потом подсел к ней, и они стали шептаться, склонив друг к другу головы. Она улыбалась, а по ее щекам текли слезы. Было тихо и светло.

Берта запела: «Счастлиное святое Рождество, тихо спускаются на землю ангелы...»

Потолок разверзся, и мы увидели высокое-высокое небо и улыбающихся ангелов в белом, которые тихо спускались на землю. Мы все замерли от восхищения, а она поглядывала то на одного, то на другого и ласково гладила нас по щекам.

МОЛИТВА

В семье Мунков часто вспоминали случай из детства Эдварда, когда впервые обнаружилось его дарование. Сам Мунк рассказывал об этом так:

Я вспоминаю, как я, будучи семилетним мальчиком, взял однажды кусок угля, лег на пол и нарисовал слепцов. Монументальное полотно. Я помню, какую радость доставила мне моя работа. Я почувствовал, что рука слушается меня гораздо лучше, нежели когда я рисовал на обратной стороне рецептов моего отца.

Незадолго до этого Эдвард с тетей видели в городе процессию слепцов.

Эта история не только о том, как в мальчике проснулись природные способности, но и о том, что окружающие поняли и приняли это, — ведь тетушка Карен даже не рассердилась из-за перепачканного Эдвардом пола. Напротив, она с восхищением отнеслась к рисунку племянника. Позже этот эпизод подавался как доказательство того, что семья приложила все силы в стремлении помочь Эдварду найти свое место в мире, который совершенно его не понимал. Одновременно вспоминали и о принесенных ради этого жертвах. Сестра Ингер как-то ответила на замечание, что у Софи были ничуть не меньшие способности к рисованию, чем у Эдварда: «Двух гениев мы бы не потянули».

Эдвард Мунк совершенно не соответствует «сложившемуся стереотипу художника XIX века, низвергающего традиционные ценности, и в первую очередь отказывающегося от своей семьи». Это клише на норвежской почве с патетикой реализовала так называемая богема Кристиании. Напротив, Мунк болезненно привя-

зан к семье — к умершей матери, к нервному и стареющему отцу, без конца пропадающему в военных казармах, к своим братьям и сестрам; «Комната умирающего» лишнее тому свидетельство. В будущем Эдварду предстояло пережить еще немало потерь.

Смерть Лауры Мунк повергла Кристиана в глубокое отчаяние, хотя он давно готовился к ней. Одна из его сестер так описывает его состояние:

Мой бедный Кристиан, вот и случился ужасный удар, которого мы давно и со страхом ожидали... ее больше нет с вами, нет ее любви, нежных слов и взглядов, нет той, которую Господь послал тебе, чтобы она, как мы надеялись, скрасила твои дни...

Тем не менее и в несчастье остается утешение. Осиротевшей семье есть на кого опереться. Далее сестра Кристиана пишет:

Добрая и преданная тетушка Карен по-прежнему остается вашим ангелом-хранителем, благослови ее Господь; теперь у нее важная роль. Какое великое, какое благородное предназначение, требующее отказа от столь многого, но такое прекрасное, что это едва ли можно выразить словами.

Автор письма права. Смерть Лауры Мунк определила дальнейшую судьбу Карен Бьельстад. В роли «тетушки Карен» она взяла на себя ответственность за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства и тем самым лишила себя возможности создать собственную семью. Она стала детям, порученным ей самой судьбой, второй матерью и оберегала их от всех напастей, в том числе от последствий их собственных ошибок.

Кристиан, занятый военной службой и частной практикой, подолгу не бывает дома. Годы спустя Карен напишет Софи:

Сегодня папы не было дома весь вечер. Сама знаешь, по воскресеньям часто посылают за доктором, сейчас он ушел уже ко второму больному за вечер. Я не буду ложиться до его прихода, а мальчики заснули, сидя на стульях, так и не дождавшись отца.

Нам мало что известно о жителях квартиры на Пилестредет в первые годы после смерти матери. Пятьдесят лет спустя Эдвард Мунк напишет о том времени:

Я многое помню вплоть до ее смерти — я очень тосковал по матери. Моя великодушная тетя, переехавшая к нам сразу после ее смерти, в первые годы не была близким мне человеком. Воспоминание о матери было живо, и тетя долго оставалась для меня чужой. И все же она постепенно стала членом семьи и настоящей хозяйкой дома...

Память о матери свято чтити. День ее рождения 10 мая был и днем крестин Ингер и Лауры. В этот день семья отправлялась на кладбище Христа и возлагала на могилу венков.

Дома царила атмосфера благочестия. И отец, и тетя были людьми глубоко верующими; они внушали детям, что те обязательно встретят мать на небесах, если будут следовать заветам Христа. Мысли о смерти и потусторонней жизни волновали детей. К тому же вера в дьявола была обычным явлением и действенным средством в воспитании детей:

Была зима, мы все дни напролет просиживали у окна и смотрели на улицу. В доме напротив жили муж и жена, которые беспрестанно дрались. И вот однажды во время очередной перебранки за их спинами вдруг появился дьявол; он стоял и смеялся.

На голове у него были большие рога, на ногах — копыта, сзади — хвост, и весь он был черный-пречерный. Когда-нибудь он наверняка сцапает их и утащит в ад. Оттого-то и смеется.

Порой дьявол чудился им в темноте соседней комнаты. Похоже, он только и ждал, чтобы забрать их, если они будут шалить или не лягут вовремя спать. Но если они будут верить в Господа и вести себя хорошо, то дьявол им не страшен.

И все же стареющий доктор был куда религиознее, чем это было принято в те времена. Позже Эдвард напишет отца

в картине «Молитва» стоящим на коленях в проникновенном обращении к Господу. Сохранились и воспоминания Мунка о скучной «серой Пасхе», когда к его товарищам были не так строги.

Во время долгого домашнего молебна все были искренне тронуты историей страданий Христа, но дети проголодались и к тому же слышали, как их друзья играют на улице. Отец, сложив руки, перешел к молитве — она была длинной, с многочисленными повторами. Потом он запел псалом. «Зазвучал псалом, и мы поняли, что скоро все кончится — мы пойдем за стол, а потом гулять с Петером. И от этого я пел псалом еще проникновеннее».

Эдвард и Софи лучше других детей помнили мать. Софи читала брату сказки, но самое главное — она отлично рисовала, так что Эдварду, много времени проводившему дома, было с кого брать пример.

Эдвард унаследовал слабое здоровье матери и часто болел. «Мой маленький бледный Эдвард» называла его мать в своем прощальном письме. У него часто болело горло, были слабые легкие и чуть что начинался жар. В подростковом возрасте у него две зимы подряд были такие острые приступы бронхита, что он кашлял с кровью. Ему подолгу приходилось соблюдать постельный режим; опасность того, что мальчик умрет, была вполне реальна. Отец, исходя из своих религиозных убеждений, считал своим долгом подготовить сына к встрече со смертью, «спасти его душу», — все это отнюдь не способствовало уменьшению страха у самого Эдварда. «Через мгновение я уже буду трупом, застывшим и холодным, и проснусь в аду — ведь я не был праведным чадом Божиим».

Частые болезни не позволяли Эдварду регулярно посещать школу. Детям доктора не подобало посещать государственное учреждение, так называемую публичную школу. Поэтому сначала Кристиан сам занимался с сыновьями, а в 1874 году они были зачислены в частную школу Йерцена, располагавшуюся на площади Св. Улава, недалеко от дома на Пилестредет. Мы не знаем, как сам Эдвард относился к этому учебному заведе-

нию, но у его одноклассника Хенрика Дедикена¹, тоже сына врача, «ни о самой школе, ни о занятиях там не сохранилось ни одного хорошего воспоминания». Само собой разумеется, Мунк-отец лелеял надежду, что сыновья, Эдвард и Андреас, продолжат семейную традицию и получают высшее образование.

Эдвард, во всяком случае, был примерным учеником. Лучше всего он успевал по истории, что, вероятно, не так удивительно для племянника выдающегося норвежского историка П. А. Мунка. По естествознанию у него тоже были отличные оценки — кстати сказать, всегда выше, чем по рисованию. Как иностранный язык изучался немецкий, который также трудностей не вызывал. А вот с арифметикой дело шло не так гладко.

Тем не менее, судя по классному журналу за 1874 год, успехи Эдварда были намного выше среднего уровня в классе, о чем свидетельствует выставлявшаяся раз в месяц совокупная оценка успеваемости по всем предметам. Кристиан Мунк наверняка мог быть доволен старшим сыном, если бы беспокойство не вызывали другие цифры — количество занятий, пропущенных по болезни.

В сентябре — четыре дня, в октябре — восемь, в ноябре — шесть, а в самом коротком учебном месяце, декабре, — целых десять дней. После рождественских каникул Эдвард благополучно идет в школу, учится весь январь 1875 года, но потом его совсем забирают из школы. Весь февраль мальчик проводит дома — он просто-напросто слишком болен, чтобы регулярно посещать занятия.

Весна и лето — более благополучное время. Эдвард поправляется, и осенью следует еще одна попытка устроить его в школу. В августе они с Андреасом поступают в «Латинскую гимназию» — так неофициально называли Кафедральную школу Кристиании. Но проучился там Эдвард недолго. Он снова заболевает и вынужден уйти из школы. Брат оказался крепче. Андреас не только оканчивает школу на «отлично», но и, к великой гордости отца, в 1884 году, в возрасте восемнадцати лет, поступает в университет.

¹ Хенрик Арнольд Таулов Дедикен (1863–1935) — впоследствии известный норвежский врач-психиатр.